

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: 10.15372/HSS20210201

УДК 394+911.5

Г.В. ЛЮБИМОВА

СТРУКТУРА И ДИНАМИКА СЕЛЬСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ. ОБЗОР ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 17

Статья посвящена обзору отечественной и зарубежной научной литературы по проблемам культурного ландшафтоведения. Отмечено, что актуализация проблематики обусловлена ускоренной трансформацией современных культурных ландшафтов, в условиях глобальных изменений в мировой экономике, в том числе вследствие форсированного развития сельского и лесного хозяйства, промышленного и горнодобывающего производства. На примере отечественных (главным образом сибирских) и зарубежных (преимущественно англоязычных) исследований рассматривается история осмысления категории «ландшафт» как базового компонента природного и культурного наследия. Показано значение ландшафта в формировании культурной памяти и локальной идентичности населения региона. Особое внимание уделяется вопросам динамики и трансформации структуры сельских территорий.

Ключевые слова: культурный ландшафт, историографический обзор, сельские территории, местные сообщества, культурная память, локальная идентичность.

G.V. LYUBIMOVA

STRUCTURE AND DYNAMICS OF RURAL CULTURAL LANDSCAPES. REVIEW OF RUSSIAN AND ENGLISH-LANGUAGE LITERATURE

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Lavrentiev ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

As a basic component of natural and cultural heritage, landscape belongs to interdisciplinary categories that fall within the research field of ethnography, ethnology, cultural ecology, humanitarian geography, environmental anthropology and other disciplines. Actualizing landscape problems is currently due to the fast transformation of modern cultural landscapes caused by global changes in the world economy related to the accelerated development of agriculture and forestry, industrial and mining production. The study objective is a historiographic review and comparison of domestic and foreign literature devoted to the problems of landscape studies, with special attention to the issues of historical dynamics and structure of rural cultural landscapes in Siberian regional studies.

The earliest views about the cultural landscape in Russian anthropogeography were characterized by the influence of the ideas of geographic determinism. On the contrary, English-language research was initially focused on studying the cultural landscape material components. These differences, to a certain extent, continue to persist up to the present time. The specificity of the modern rethinking of the concept is associated with its symbolization. The landscape components endowed with historical senses and symbolic meanings serve as an expression of cultural memory and local identity of the population. Positive identity promotes the manifestation of ecological forms of behavior and increases the opportunities for sustainable development. In general, the idea of the landscape as a kind of «physical capacity filled with natural resources that must be extracted and used optimally» is being replaced by a new paradigm, according to which an integral part of the process of mastering and transforming the environment is to endow it with spiritual and symbolic properties.

Key words: cultural landscape, historiographic review, rural areas, local communities, cultural memory, local identity.

Галина Владиславовна Любимова – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: terra-gl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3538-2806>.

Galina V. Lyubimova – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Культурные ландшафты, как отмечается на сайте Всемирного наследия ЮНЕСКО, являются отражением долгих и тесных отношений между человеком и его природным окружением. Одни ландшафты отражают особые способы землепользования, практикуемые с целью поддерживать биологическое разнообразие Земли. Другие – ассоциируются с некоторыми религиозными течениями и художественными традициями, подчеркивающими тесную связь местных сообществ с природой. Причем все они (будь то сады, горные террасы или религиозные святыни) свидетельствуют о творческом гении и жизнеспособности человечества, его общей (коллективной) идентичности¹.

Согласно Европейской конвенции о ландшафтах, принятой государствами – членами Совета Европы в 2000 г., ландшафт относится к базовым компонентам природного и культурного наследия. Важнейшей характеристикой современных ландшафтов является их ускоренная трансформация, вызванная прежде всего глобальными изменениями в мировой экономике вследствие форсированного развития сельского и лесного хозяйства, промышленного и горнодобывающего производства². По этой причине участники соглашения, действие которого охватывает как уникальные, так и обычные ландшафты, призывают органы власти всех уровней следовать политике охраны, регулирования и планирования ландшафтов с учетом пожеланий и участия местного населения³.

В рамках сибирских региональных исследований значимость категории культурного ландшафта определяется долгосрочной стратегией развития региона, предполагающей поиск новых подходов к проблеме рационализации существующих способов освоения природных ресурсов, а также целенаправленной оптимизации окружающей среды.

Одним из наиболее эффективных инструментов организации городского и сельского пространства считается ландшафтное планирование, важнейшей предпосылкой которого (включая экологически обоснованное социально-экономическое развитие сельских территорий) является изучение исторического опыта преобразования антропогенных ландшафтов.

С учетом сказанного в предпринятом историографическом обзоре, включающем анализ и сопоставление отечественных и зарубежных (преимущественно, англоязычных) ландшафтных исследований, особое внимание уделяется исторической динамике и трансформации структуры сельских культурных ландшафтов.

ИСТОРИЯ ОСМЫСЛЕНИЯ ЛАНДШАФТА КАК БАЗОВОГО КОМПОНЕНТА ПРИРОДНОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Принципы организации жизненного пространства и способы адаптации местных сообществ к природному окружению всегда входили в число важнейших вопросов экологической истории, включая такое направление, как культурное ландшафтоведение. Стоявшие у его истоков исследователи уже в первые десятилетия XX в. стремились понять, чем определяется конфигурация культурных ландшафтов; что составляет основу их содержания; каковы исходные обстоятельства и движущие силы преобразования природной среды, превращения ее в освоенное, пригодное для жизни пространство [2, с. 26].

Наиболее ранние представления о культурном ландшафте в российской научной традиции формировались под влиянием идей географического детерминизма. Основоположник отечественной антропогеографии Л.С. Берг подчеркивал, что интерес ученого должны вызывать не столько «отдельные вещи», сколько «закономерные группировки предметов органического и неорганического мира на поверхности земли», воплощением которых и являются культурные и природные ландшафты (в зависимости от участия / неучастия человека в их создании) [3]. Таким образом, несмотря на определенный «природный» перекоп, в российской науке сформировалось, по мнению В.Н. Калущкова, понимание ландшафта как сложного природно-культурного феномена, который отличается не только «особенностями рельефа, климата (и) растительного покрова», но и наличием компонентов, возникших вследствие присутствия и деятельности людей – населения, путей сообщения, возделанных площадей земли и т.д. [4, с. 14–15].

Другое направление, ориентированное на изучение материальных артефактов как основных компонентов культурного ландшафта, получило распространение в зарубежных исследованиях. Основатель Берклийской ландшафтно-морфологической школы К. Зауэр разработал подход, позволивший отойти от принципов географического детерминизма и сосредоточить внимание на «активном начале» – культуре. Природный ландшафт, как подчеркивает Зауэр, представляя все необходимые для развития культурного ландшафта материалы, выступает в роли своеобразного «посредника», тогда как «формирующая

¹ Cultural Landscapes. Official site of the UNESCO World Heritage Center. URL: <http://whc.unesco.org/en/culturallandscape/> (дата обращения: 15.01.2021).

² По оценкам экспертов, деятельность добывающих компаний (осушение подземных резервуаров, разработка месторождений нефти, газа и других полезных ископаемых) в ближайшем будущем может привести к значительным изменениям ландшафтов в результате масштабного проседания почвы [1].

³ Европейская конвенция о ландшафтах. Флоренция, 2000. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168008063e> (дата обращения: 18.01.2021).

сила» в этих процессах принадлежит культуре. Выросший в семье немецких фермеров-протестантов исследователь на всю жизнь сохранил любовь к патриархальным сообществам и сельским пространствам, основными компонентами которых считал структуру и планировку поселений, плотность и мобильность населения, а также развитие производства и коммуникаций [5, 6].

Позднейшие критики упрекали К. Зауэра в чрезмерном внимании к материальным артефактам [7, 8], т.е. в своего рода «объектном фетишизме», состоящем из «домов, сараев, заборов и заправочных станций» [7, с. 7]. Вместе с тем ценная для настоящего исследования идея сменяемости культурных ландшафтов во времени, на которую обратил внимание В.Н. Калущков, позволила ему представить историческую динамику американского ландшафта как последовательную смену индейских, первопоселенческих и фермерских ландшафтов в результате замещения коренных индейских коллективов сообществами аграрных первопоселенцев и фермеров [4, с. 30].

Кроме того, К. Зауэру удалось показать, что «формирование разных культурных ландшафтов на единой природной основе» может происходить не только последовательно (диахронно), но и одновременно (синхронно). Чрезвычайно важным достижением этого германо-американского географа, по мнению В.Л. Каганского, стало обоснование того, что «на сходной природной основе разные этнические группы ведут себя совершенно по-разному», избирая разные уголья и применяя разные технологии воздействия на окружающую среду. Вместе с тем ориентация на изучение «небольших конкретных территорий» характерна и для отечественной этнической экологии, в рамках которой культурный ландшафт рассматривается как неотъемлемый аспект существования «небольших локальных этнокультурных групп». Иными словами, в основе этноэкологических исследований лежат принципы изучения локальных сообществ в тесной связи с особенностями природы, климата и рельефа. А теоретической предпосылкой таких исследований, по мнению В.Л. Каганского, послужила разработка отечественной концепции хозяйственно-культурных типов⁴ [9].

⁴ Будучи первой научной типологией традиционных моделей природопользования, соотнесенных со всеми существующими в мире природно-климатическими и ландшафтными зонами, теория хозяйственно-культурных типов стала основой для более дробных классификаций. Первичный уровень анализа культурных ландшафтов в этноэкологических исследованиях, как пишет А.Н. Ямсков, составляет территория, ресурсы которой совместно используются устойчиво существующим во времени хозяйственным коллективом – общиной или этнотерриториальной группой [8, с. 63, 70].

Возможности такого анализа, как показано в публикации [2], посвященной механизмам освоения и обживания сибирских степ-

Предложенные К. Зауэром подходы получили дальнейшее развитие в исследованиях по истории культурных ландшафтов Англии, посвященных вопросам реконструкции английских ландшафтов в разные исторические эпохи: Средневековья, кардинального изменения традиционного облика сельских ландшафтов под влиянием промышленной революции, а также качественной трансформации сельской местности в постиндустриальный период [10, 11, 12]. Культурно-историческим ландшафтам Сибири на ранних этапах ее колонизации посвящены работы сибирских историков [13, 14].

В конце 1970-х гг. была выдвинута идея «чтения» культурных ландшафтов как текста. В статье П. Льюиса из сборника, посвященного «способам интерпретации обыкновенных ландшафтов», утверждается, что любой вернакулярный ландшафт является непреднамеренным отражением человеческих вкусов, стремлений, ценностей и даже страхов. Ландшафты, подобно книгам, можно читать, несмотря на то, что изначально они «не были предназначены для чтения» [15]. По словам Д. Мейнига, автора и редактора этого сборника, ландшафт – это одновременно и пространство, и его смысл; ландшафта без его интерпретации не существует [16].

С этого времени распространенной метафорой культурного ландшафта как многослойной и многозначной структуры, хранящей следы различных эпох, становится понятие *палимпсеста* (текста, написанного поверх более раннего текста) [7, с. 3, 8]. Так, применительно к английским ландшафтам домодерной эпохи первый (исходный) слой палимпсеста может быть представлен, как считают И. Робертсон и П. Ричардс, буйной растительностью, деревьями, стадами и водоемами, создававшими картину организации социальной жизни в эпоху Средневековья. Признаками последующих слоев уже будут железнодорожные станции как символы наступления города на деревню в XIX в., а также старинные коттеджи, восстановленные новыми владельцами в конце XX – начале XXI в. [17, р. 4]. Все эти компоненты – и стада, и станции, и коттеджи, включает Е.М. Главацкая, – не что иное, как исторические «слои иконографии национального английского ландшафта» [18, с. 78].

ных и лесостепных ландшафтов, содержатся в отчетах землеустроительных партий периода Столыпинской аграрной реформы, позволяющих восстановить способы использования природных ресурсов крестьянскими сообществами сибиряков-старожилов и российских переселенцев в конце XIX – начале XX вв. Каждое из таких сообществ, обозначенных в документах (по названию соответствующих селений) как «бедринцы», «артамоновцы», «заковряшинцы» и другие, представляло собой, по мнению землеустроителей, «обособленную во всех угольях общину» [2, с. 27–28].

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОГО ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ КОНЦЕПТА

Ключевой элемент современного переосмысления концепта, считает И.И. Митин, связан с его символизацией. В фокусе отечественных и зарубежных исследований оказываются символические свойства ландшафтов и мест [7, с. 7–8]. Символическая трактовка ландшафта нашла отражение в разработанной французскими историками концепции памятных мест – *lieux de memoire*, тесно связанных с практиками коммеморации – формированием, сохранением и презентацией представлений сообщества о самом себе путем конструирования мест памяти [19]. Таким образом, наделенный историческими смыслами и символическими значениями образ места, как считает Д.Н. Замятин, служит выражением не только культурной памяти, но и локальной идентичности населения [20, с. 127–128]. Дж. Брэм и другие участники исследования, проведенного на материалах американского сельского запада, отмечают, что специфическое «чувство места» (своего рода *топофилия*, или эмоциональная привязанность сообщества к месту своего проживания, в том числе основанная на красоте окружающей природы) выступает основным условием формирования позитивной локальной идентичности, способствуя в свою очередь проявлению экологически ответственных форм поведения и расширению возможностей устойчивого развития в целом [21, р. 409, 423]. Так, будучи «символом исключительной чистоты сибирских ландшафтов», Байкал, по наблюдениям К. Метцо, становится сегодня местом формирования общей региональной идентичности проживающих в регионе бурят, эвенков и русских, в основе которой лежат принципы экологической этики, восходящие к религиозным практикам аборигенного и пришлого населения. Единое культурное видение территории (включая представления о «святости окружающего ландшафта») способствует принятию правовых решений, направленных на достижение устойчивого развития всего Байкальского региона [22, р. 29, 42].

Побудительным мотивом развития природоохранных тенденций, считает В.Л. Огудин, может выступать особый эмоциональный настрой, порождаемый почитаемыми объектами природы. Расположенные, как правило, в живописных местах и обладающие в силу этого повышенной *аттрактивностью*, такого рода объекты нередко содействуют развитию различных форм экологической активности [23, с. 120]. Подтверждением указанной точки зрения служит тот факт, что наиболее резонансные акции против строительства мусорных полигонов, прошедшие недавно в ряде российских регионов, в первую очередь были направлены на защиту территорий Рус-

ского Севера – региона, образ которого в массовом сознании (подобно образу Байкальского региона) связан с повышенной концентрацией святых мест и сакральных ландшафтов.

Закономерным шагом в последующем осмыслении изучаемого феномена стала разработка категории религиозного ландшафта. Являясь частью культурного ландшафта, такой ландшафт, полагает Е.М. Главацкая, отражает религиозную ситуацию, которая складывается на определенной территории в различные исторические периоды и характеризуется распространением представлений о существовании высших сил, связанных по месту своего обитания с теми или иными компонентами природного окружения – водными ресурсами, горными или пещерными образованиями, деревьями необычной формы и пр. По этой причине многие формы религиозности местного населения имеют «четкую привязанность к природным объектам» [18, с. 77–79; см. также 24–27]⁵.

Обоснование особой значимости данного концепта для урало-сибирских территорий дано в работе И.Л. Маньковой. Учитывая, что на протяжении долгого времени ключевой исторической проблемой Урала и Сибири было их перманентное освоение, религиозный ландшафт, считает автор, как никакая другая категория дает возможность проследить, как осваивалось и развивалось то или иное место, как оно усваивало или отвергало то, что привносилось извне волнами переселенцев [27, с. 83]. Действительно, появление представителей русского населения нарушило религиозную однородность сибирских территорий, на которых наряду с политеизмом, анимизмом и шаманизмом коренного населения получило распространение православное христианство.

Своеобразие православных религиозных ландшафтов на ранних этапах освоения края было связано с повсеместным утверждением религиозных святынь и символов, означавших включение неизведанных ранее пространств в мир «истинной, христианской веры». И если на макроуровне такие процессы выражались в строительстве православных монастырей и храмов, которые становились паломническими центрами общесибирского значения, то на микроуровне конструирование сакральной инфраструктуры проявлялось в создании сети локальных народно-православных культов, в основе которых лежали славянские традиции почитания святых мест и сакральных объектов природы (камней, родников и деревьев) [28, р. 104].

Формирование сети скитов и удаленных от мира поселений в таежных районах Западной и Восточной

⁵ Масштабное исследование религиозных ландшафтов сибирского региона выполнено с учетом широкого хронологического диапазона [24, 25, 26].

Сибири на более поздних этапах освоения края стало воплощением старообрядческой стратегии ухода из мира антихриста «во темные леса, во далекие пустыни, во глубокие пещеры». В мировоззрении старообрядцев конфессиональные миграции и связанные с традициями крестьянского пустынножительства способы обретения спасения мыслились как поиск мест, отвечавших формуле «идеального ландшафта» [28, р. 118]. В связи с этим, считают Е.Е. Дутчак и другие авторы, изучение православного ландшафта таежной Сибири XIX – начала XX в. должно включать «не только имперский образ распространяющегося вширь православия», но и отличные от «официального варианта христианской доктрины» старообрядческие пространственные мифологемы – такие, как Беловодье, «земной рай», «чистые / святые места» и др. [29, с. 81].

Святые места и сакральные объекты природы рассматриваются зарубежными авторами как особые точки на карте религиозного ландшафта – своего рода «земная проекция сакрального мира». Способы коммуникации с ним раскрываются в исследованиях, посвященных феноменам паломничества, отшельничества и монашества [30, 31, 32]. В русле таких подходов в отечественной антропологии и фольклористике развивается направление, связанное с изучением «крестьянской мифологии ландшафта», в том числе феномена «деревенских святынь» (наделенных сакральным статусом ландшафтных объектов естественного или искусственного происхождения), с которыми местные жители соотносят факты локальной истории и предания о тех или иных исторических событиях⁶ [34, 35, 36].

СТРУКТУРА КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ СЕЛЬСКОГО ТИПА

Как констатируют авторы обобщающего труда, посвященного отношениям человека и ландшафта в Байкальской Сибири, на смену позитивистским представлениям о ландшафте как некой физической «емкости, наполненной природными ресурсами, которые необходимо извлечь и оптимально использовать», в последней четверти XX в. приходит новая парадигма, согласно которой неотъемлемой частью процесса освоения и преобразования природного окру-

жения является придание ему знаково-символических свойств – особой системы смыслов и значений [37, с. 72]. Преобразуя в процессе жизнедеятельности окружающую среду, человек наделяет природные и культурные ландшафты не только новыми физическими, но и духовными характеристиками [18, с. 79]. Процесс генезиса культурного ландшафта, сопровождаемый обычно вырубкой лесов, созданием полей, прокладкой дорог, строительством селений и храмов, означает не только материально-физическое изменение, но и духовное освоение территории. Именно поэтому в традиционную структуру сельских культурных ландшафтов наряду с селитьбой и хозяйственными угодьями, по мнению В.Н. Калуцкова, следует также включать сакральные места [4, с. 25]. Сходной позиции придерживается А.А. Панченко, отмечая, что структура культурных ландшафтов сельского типа складывается из системы поселений, земледельческих угодий и культовых памятников. Не случайно в настоящее время, когда фольклорно-этнографические традиции русской деревни размываются и отмирают, религиозно-обрядовые практики, связанные с почитанием священных камней, родников, деревьев, каменных или деревянных крестов и прочих ландшафтных объектов, нередко сохраняются нетронутыми, а в некоторых случаях и возрождаются [34, с. 12, 67].

Что касается типологии культурных ландшафтов, то еще в 1970-е гг. в рамках антропогенных комплексов отечественными авторами был выделен класс аграрных ландшафтов с подклассами полевых, садовых, луговых и пастбищных ландшафтов [38]. Было показано, что специфика агроландшафта как производственной основы сельского ландшафта определяется пространственным соотношением входящих в него агроэкосистем (различных по назначению типов сельхозугодий – пашенных, сенокосных, пастбищных и пр.) [39]. Мониторинг современных алтайских ландшафтов позволил прийти к выводу, что наряду с инновационными и туристско-рекреационными ландшафтами большое значение в регионе продолжают сохранять аграрные, лесотехнические и охотничье-промысловые ландшафты, развитие которых до сих пор определяется этническим фактором, а также функциональным назначением входящих в них сельскохозяйственных и промысловых земель [40].

Сельский ландшафт, являясь наиболее репрезентативным для каждого региона образцом сельской местности, пишет М.Е. Кулешова, отличается комплексным характером и высоким уровнем разнообразия. При этом по типам исторической деятельности наряду с сельским ландшафтом выделяют селитебный, сакральный, рекреационный, промысловый, индустриальный, заповедный и мемориальный ланд-

⁶ Локальные мифы и бытовые истории, по наблюдениям Е.Ф. Фурсовой, служили отправной точкой при формировании собственной системы топонимики в ходе укоренения русских крестьян-переселенцев в географической среде сибирского региона. При этом тюркская и финно-угорская сибирская топонимика чаще встречается в старожильческих названиях, тогда как топонимы, ориентированные на имена собственные и названия христианских символов, более характерны для переселенческой среды [33, с. 180].

шафты⁷. Вместе с тем такая систематика, по мнению В.Л. Каганского, не должна заслонять восприятия всего мира земной поверхности как некоей сплошной (не имеющей пустот и разрывов) «многослойной ткани», отдельные места и объекты которой имеют смысл лишь в качестве деталей сложного, но подчиненного определенным закономерностям рисунка [41]. И если доминирующая в мире англо-саксонская география, считает автор, представляет собой в большей степени социогуманитарную науку, то российское ландшафтоведение трактует современное состояние культурных ландшафтов преимущественно как динамику природных состояний (т.е. следствие утраты или восстановления лесов, заболачивания или осушения сельскохозяйственных территорий и пр.) [42]. Между тем известны определенные «закономерности собственно культурных компонентов ландшафта и их динамики» [9]. Будучи жизненной средой достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей, культурный ландшафт, как отмечено в одной из ранних работ автора, представляет собой цельное и одновременно структурированное земное пространство, наполненное знаками и знаковыми системами, освоенное утилитарно, семантически и символически⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в качестве базового компонента природного и культурного наследия ландшафт относится к междисциплинарным категориям, входящим в область исследования этнографии, этнологии, этнической экологии, гуманитарной географии, экологической антропологии и других научных дисциплин. Ранние представления российских исследователей о культурном ландшафте характеризовались влиянием идей географического детерминизма. Англоязычные исследования, напротив, изначально были ориентированы на изучение материальных компонентов культурного ландшафта. Указанные различия в определенной степени сохраняются и в настоящее время. При этом в зарубежной историографии сложилась традиция воссоздания истории национальных ландшафтов в широких хронологических рамках (от Средних веков до современности), тогда как для

сибирских региональных исследований характерны примеры реконструкции культурных ландшафтов наиболее ранних этапов колонизации.

Специфика современного переосмысления данного концепта связана с его символизацией. Наделенные историческими смыслами и символическими значениями компоненты ландшафта служат выражением культурной памяти и локальной идентичности населения, позитивный характер которой способствует проявлению экологически ответственных форм поведения, усиливая возможности устойчивого развития. Значимость религиозного ландшафта для урало-сибирских территорий определяется формированием сакральной инфраструктуры, выступающей в роли маркера освоения региона различными переселенческими волнами.

В целом на смену представлениям о ландшафте как некоей физической «емкости, наполненной природными ресурсами, которые необходимо извлечь и оптимально использовать», в последней четверти XX в. приходит новая парадигма, согласно которой неотъемлемой частью процесса освоения и преобразования окружающей среды является надделение ее духовными характеристиками и знаково-символическими свойствами. По этой причине традиционную структуру сельских культурных ландшафтов следует рассматривать как функциональное единство хозяйственных угодий, а также селитебных и сакрально-рекреационных мест.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Herrera-García G. et al.* Science Mapping the global threat of land subsidence // *Science*. 2021. Vol. 371, iss. 6524. P. 34–36.
2. *Любимова Г.В.* Отчеты землеустроительных партий как источник по экологической истории и культурному ландшафтоведению Сибири // *Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та*. 2017. № 6 (51). С. 26–33.
3. *Берг Л.С.* Предмет и задачи географии // *Изв. Импер. Русск. геогр. о-ва*. 1915. Т. 51, вып. 9. С. 463–475.
4. *Калуцков В.Н.* Этнокультурное ландшафтоведение. М., 2011. 112 с.
5. *Sauer C.O.* The morphology of landscape // *Publications in geography*. Berkeley, 1925. Vol. 2, N 2. P. 19–54.
6. *Любимова Г.В.* Динамика аграрных ландшафтов Южной Сибири в XX – начале XXI вв.: подходы к исследованию // *Экология древних и традиционных обществ*. Тюмень, 2016. С. 208–211.
7. *Митин И.И.* На пути к региональной культурной географии: опыт англо-американских географов XX в. // *Псковский региональный журнал*. 2012. № 13. С. 3–11.
8. *Ямсков А.Н.* Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта // *Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования*. М., 2003. С. 62–77.
9. *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // *Обсерватория культуры: журнал-обзор*. 2009. № 1. С. 62–70.
10. *Hoskins W.G.* The Making of the English Landscape. L., 1955. 240 p.
11. *Hooke D.* The landscape of Anglo-Saxon England. Leicester, 1998. 256 p.

⁷ *Кулешова М.Е.* Систематика культурных ландшафтов. 2009 // Портал «ЮНЕСКО – Наследие». URL: <https://web.archive.org/web/20091016103445/http://heritage.unesco.ru/index.php?id=102&L=9> (дата обращения: 20.01.2021).

⁸ Согласно взглядам отечественных теоретиков-географов, разделенное всевозможными барьерами российское культурное пространство отличается преобладанием вертикально-иерархических и отсутствием полноценных горизонтально-сетевых связей. Следствием такой специфики является пространственное доминирование зависимых от центра территорий – «внутренней периферии» [41, 42].

12. Rowley R.T. The English Landscape in the Twentieth Century. L., 2006. 420 p.
13. Курилов В.Н., Резун Д.Я. К проблеме генезиса культурно-исторического ландшафта Сибири // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. Новосибирск, 1986. С. 6–27.
14. Люцидарская А.А. Природные и ландшафтные границы как знаки рубежа территорий // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 2. С. 40–44.
15. Lewis P.F. Axioms for Reading the Landscape: Some Guides to the American Scene // The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays. New York; Oxford, 1979. P. 11–32.
16. Meinig D.W. Reading the landscape: An Appreciation of W.G. Hoskins and J.B. Jackson // The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays. New York; Oxford, 1979. P. 195–244.
17. Robertson L., Richards P. Introduction // Studying Cultural Landscapes. London, 2003. P. 1–18.
18. Главацкая Е.М. Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования // Ур. ист. вестн. 2008. № 4 (21). С. 76–82.
19. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб., 1999. С. 17–50.
20. Замятин Д.Н. Гуманитарная география, предмет изучения и основные направления развития // Общественные науки и современность. 2010. № 4. С. 126–138.
21. Brehm J.M., Eisenhauer B.W., Krannich R.S. Dimensions of Community Attachment and Their Relationship to Well-Being in the Amenity-Rich Rural West // Rural Sociology. 2004. № 69 (3). P. 405–429.
22. Metzko K.R. Articulating a Baikal Environmental Ethic // Anthropology and Humanism. 2005. Vol. 30, N 1. P. 39–54.
23. Огудин В.Л. Сакральная экология. Формы религиозно-экологического мировоззрения. Киев, 2003. 152 с.
24. Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии / отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул, 2014. Т. 1. 212 с.
25. Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии / отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул, 2015. Т. 2. 194 с.
26. Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии / отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул, 2017. Т. 3. 190 с.
27. Манькова И.Л. Формирование православного ландшафта Зауралья в XVII в. // Ур. ист. вестн. 2008. № 4 (21). С. 83–97.
28. Lyubimova G.V. Environmental aspects of Religious Beliefs and Ritual Practices of the rural Population of Siberia (the 1920s. – Beginning of XXI Century) // The Soviet and Post-Soviet Review. 2016, № 1 (43). P. 98–138.
29. Дутчак Е.Е., Васильев А.В., Ким Е.А., Полежаева Т.В. Православный ландшафт таежной Сибири: концепция исследования // Сибирские исторические исследования. 2013. №1. С. 79–90.
30. Turner V., Turner E. Image and Pilgrimage in Christian Culture: Anthropological Perspectives. N.Y., 1978. 281 p.
31. Eade J., Sallnow M.J. (eds) Contesting the Sacred: The Anthropology of Christian Pilgrimage. L., 1991. 158 p.
32. Coleman S., Eisner J. Pilgrimage Past and Present: Sacred Travel and Sacred Space in the World Religions. L., 1995. 180 p.
33. Фурсова Е.Ф. «Обживание» ландшафта и топонимические предания русских крестьян-переселенцев Южной Сибири конца XIX начала XX в. // Традиционная культура. 2016. Т. 17, № 1 (61). С. 175–181.
34. Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998. 320 с.
35. Штырков С.А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб., 2012. 228 с.
36. Любимова Г.В. Гражданская война в религиозном дискурсе сельского населения: способы сакрализации ландшафта (case study крестьянского восстания на Алтае в 1921 г.) // Culture / Культура. 2014. Вып. 6. С. 87–96.
37. Давыдов В.Н., Симонова В.В., Сем Т.Ю., Брандишаускас Д. Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах. Отношения человека и природы в Байкальской Сибири. СПб., 2016. 196 с.
38. Мильков Ф.Н. Сельскохозяйственные ландшафты, их специфика и классификация // Вопр. географии. 1988. № 124. С. 78–86.
39. Трапезникова О.Н. Геоэкологическая концепция агроландшафта // Изв. РГО. 2014. Т. 146, вып. 1. 2014. С. 73–85.
40. Дирин Д.А. Этнокультурные ландшафты Алтая: особенности формирования, пространственной организации и развития // Вопр. географии. № 138. 2014. С. 327–435.
41. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001. 576 с.
42. Родман Б.Б. Поляризованная биосфера: сб. ст. Смоленск: Ойкумена, 2002. 336 с.

REFERENCES

1. Herrera-Garcia G., Ezquerro P., Tomas R. et al. Mapping the global threat of land subsidence. *Science*, 2021, vol. 371, no. 6524, pp. 34–36.
2. Lyubimova G.V. Reports of land management parties as a source on ecological history and cultural landscape studies of Siberia. *Vestnik Surgutskogo universiteta*, 2017, no. 6, pp. 26–33. (In Russ.)
3. Berg L.S. Subject and tasks of geography. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva*, 1915, vol. 51, no. 9, pp. 463–475. (In Russ.)
4. Kalutskov V.N. Ethnocultural landscape studies. Moscow, 2011, 112 p. (In Russ.)
5. Sauer C.O. The morphology of landscape. *Publications in Geography*, 1925, vol. 2, no. 2, pp. 19–54.
6. Lyubimova G.V. Dynamics of the agrarian landscapes of Southern Siberia in the XX – early XXI centuries: approaches to research. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv*. Tyumen, 2016, pp. 208–211. (In Russ.)
7. Mitin I.I. Towards regional cultural geography: the experience of the XX century Anglo-American geographers. *Pskovskiy regionologicheskii zhurnal*, 2012, no. 13, pp. 3–11. (In Russ.)
8. Yamskov A.N. Ethno-ecological studies of culture and the concept of cultural landscape. *Kulturnyye landshafty: teoreticheskiye i regional'nyye issledovaniya*. Moscow, 2003, pp. 62–77. (In Russ.)
9. Kagansky V.L. Cultural landscape: basic concepts in Russian geography. *Observatoriya kul'tury*, 2009, no. 1, pp. 62–70. (In Russ.)
10. Hoskins W.G. The making of the English landscape. L., 1955, 240 p.
11. Hooke D. The landscape of Anglo-Saxon England. Leicester, 1998, 256 p.
12. Rowley R.T. The English landscape in the twentieth century. L., 2006, 420 p.
13. Kurilov V.N., Rezun D.Ya. On the problem of the cultural and historical landscape genesis in Siberia. *Problemy okhrany i osvoeniya kul'turno-istoricheskikh landshaftov Sibiri*. Novosibirsk, 1986, pp. 6–27. (In Russ.)
14. Lyutsidarskaya A.A. Natural and landscape boundaries as signs of the border of territories. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. 2019, vol. 26, no. 2, pp. 40–44. (In Russ.)
15. Lewis P.F. Axioms for reading the landscape: some guides to the American scene. *The interpretation of ordinary landscapes: geographical essays*. N.Y., Oxford, 1979, pp. 11–32.
16. Meinig D.W. Reading the landscape: an appreciation of W.G. Hoskins and J.B. Jackson. *The interpretation of ordinary landscapes: geographical essays*. N.Y., Oxford, 1979, pp. 195–244.

17. Robertson I., Richards P. Introduction. Studying cultural landscapes. L., 2003, pp. 1–18.
18. Glavatskaya E.M. Religious landscape of the Urals: phenomenon, problems of reconstruction, research methods. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 2008, no. 4, pp. 76–82. (In Russ.)
19. Nora P. Between memory and history. Problems of places of memory. *France – memory*. Saint Petersburg, 1999, pp. 17–50. (In Russ.)
20. Zamyatin D.N. Humanitarian geography, subject of study and main directions of development. *Obshchestvennyye nauki i sovremenost'*, 2010, no. 4, pp. 126–138. (In Russ.)
21. Brehm J.M., Eisenhauer B.W., Krannich R.S. Dimensions of community attachment and their relationship to well-being in the amenity-rich rural west. *Rural Sociology*, 2004, vol. 69, no. 3, pp. 405–429.
22. Metzko K.R. Articulating a Baikal environmental ethic. *Anthropology and Humanism*, 2005, vol. 30, no. 1, pp. 39–54.
23. Ogudin V.L. Sacred ecology. Forms of religious and ecological worldview. Kiev, 2003, 152 p. (In Russ.)
24. Dashkovsky P.C. (ed.) Religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia. Barnaul, 2014, vol. 1, 212 p. (In Russ.)
25. Dashkovsky P.C. (ed.) Religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia. Barnaul, 2015, vol. 2, 194 p. (In Russ.)
26. Religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia. Barnaul, 2017, vol. 3, 190 p. (In Russ.)
27. Man'kova I.L. Formation of the Orthodox landscape of the Trans-Urals in the 17th century. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 2008, no. 4, pp. 83–97. (In Russ.)
28. Lyubimova G.V. Environmental aspects of religious beliefs and ritual practices of the rural population of Siberia (the 1920s – beginning of XXI century). *The Soviet and Post-Soviet Review*, 2016, vol. 43, no. 1, pp. 98–138.
29. Dutchak E.E., Vasiliev A.V., Kim E.A., Polezhaeva T.V. Orthodox landscape of taiga Siberia: the concept of research. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2013, no. 1, pp. 79–90. (In Russ.)
30. Turner V., Turner E. Image and pilgrimage in Christian culture: anthropological perspectives. N.Y., 1978, 281 p.
31. Eade J., Sallnow M.J. (eds.) Contesting the sacred: the anthropology of Christian pilgrimage. L., 1991, 158 p.
32. Coleman S., Eisner J. Pilgrimage past and present: sacred travel and sacred space in the world religions. L., 1995, 180 p.
33. Fursova E.F. The “habitation” of the landscape and the toponymic legends of the Russian peasant settlers in Southern Siberia at the end of the 19th and beginning of the 20th century. *Traditsionnaya kul'tura*, 2016, vol. 17, no. 1, pp. 175–181. (In Russ.)
34. Panchenko A.A. Research in the field of folk orthodoxy. Village shrines of the North-West of Russia. Saint Petersburg, 1998, 320 p. (In Russ.)
35. Shtyrkov S.A. Legends about a foreign invasion: peasant narrative and landscape mythology (based on materials from the north-eastern Novgorod region). Saint Petersburg, 2012, 228 p. (In Russ.)
36. Lyubimova G.V. Civil war in the religious discourse of the rural population: ways of sacralizing the landscape (case study of the peasant uprising in Altai in 1921). *Culture*, 2014, no. 6, pp. 87–96. (In Russ.)
37. Davydov V.N., Simonova V.V., Sem T.Yu., Brandishauskas D. Fire, water, wind and stone in Evenk landscapes. Relations between man and nature in Baikal Siberia. Saint Petersburg, 2016, 196 p. (In Russ.)
38. Mil'kov F.N. Agricultural landscapes, their specificity and classification. *Voprosy geografii*, 1988, no. 124, pp. 78–86. (In Russ.)
39. Trapeznikova O.N. Geoeological concept of agrolandscape. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 2014, vol. 146, no. 1, pp. 73–85. (In Russ.)
40. Dirin D.A. Ethnocultural landscapes of Altai: features of formation, spatial organization and development. *Voprosy geografii*, 2014, no. 138, pp. 327–435. (In Russ.)
41. Kagansky V.L. Cultural landscape and Soviet habitable space. Moscow, 2001, 576 p. (In Russ.)
42. Rodoman B.B. Polarized biosphere: article collection. Smolensk, 2002, 336 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.02.2021

Дата рецензирования 24.02.2021

Статья принята к публикации 29.03.2021